

ХРОНИКА УБИЙЦЫ КОРОЛЯ



День первый: Имя ветра
День второй: Страхи мудреца
День третий: Двери из камня



ПАТРИК РОТФУСС



ИМЯ
ВЕТРА

ХРОНИКА
УБИЙЦЫ КОРОЛЯ
День первый

fanzon

Москва
2018

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
Р79

Patrick Rothfuss

THE NAME OF THE WIND © PATRICK ROTHFUSS 2007

Перевод с английского *Анны Хромовой*
Стихи в переводе *Вадима Ингвалла Барановского*
и *Анны Хромовой*

Оформление серии *Андрея Саукова*
Иллюстрация на переплете *Ивана Хивренко*

Ротфусс, Патрик.

Р79 Хроника Убийцы Короля. День первый. Имя ветра / Патрик Ротфусс ; [пер. с англ. А. С. Хромовой]. — Москва : Эксмо, 2018. — 864 с. — (Fantasy World).

ISBN 978-5-699-99851-7

Всякое прошлое забывается, превращаясь в сказки, которыми пугают малых детей. Но пробьет час, и древние предания оживут и ворвутся в реальность, сея ужас и смерть... Так юный Квоут, актер бродячей труппы, сталкивается со страшными демонами чандрианами, уничтожившими всю его семью. Покаявшись отомстить, мальчик вступает на долгий и трудный путь, полный приключений и опасностей, ведь чтобы сразиться с легендарными чудовищами, ему самому предстоит войти в легенды.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-699-99851-7


© А. Хромова, перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018



*Моей матери, которая научила меня
любить книги и открыла двери в Нарнию,
Перн и Средиземье.*

*И моему отцу, который научил меня, что,
если уж собираешься что-то сделать, надо
делать это не торопясь и с умом.*





ВЫРАЖАЮ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ...

...Всем читателям черновых вариантов. Вас — легион, упомянуть всех невозможно, однако всех вас я люблю. Если я не бросил писать, то только благодаря вашей поддержке. Если я смог стать лучше, то только благодаря вашей критике. Если бы не вы, я бы не смог одержать победу...

...На конкурсе «Writers of the Future». Если бы не его мастер-классы, я никогда бы не встретился ни с моими замечательными товарищами по 18-му тому антологии, ни с...

...Кевином Дж. Андерсоном. Если бы не его советы, я бы никогда не познакомился с...

...Мэтгом Байалером, лучшим литагентом на свете. Если бы не его руководство, я бы никогда не продал эту книгу...

...Бетси Волхейм, замечательному редактору и директору издательства DAW. Если бы не она, вы не держали бы сейчас в руках эту книгу. Какую-нибудь похожую — может быть; но вот этой книги бы не существовало.

И, наконец, мистеру Бохейджу, моему школьному учителю истории. В 1989 году я ему обещал, что упомяну о нем в своем первом романе. А обещания надо выполнять!

ПРОЛОГ

Молчание в трех частях

Снова наступила ночь. Трактир «Путеводный камень» погрузился в молчание, и молчание это состояло из трех частей.

На поверхности лежала гулкая тишина, возникшая от того, чего там недоставало. Будь та ночь ветреной, ветер вздыхал бы в ветвях деревьев, поскрипывала бы трактирная вывеска, раскачиваясь на крюках, и молчание унеслось бы прочь по дороге, как прошлогодняя палая листва. Будь в трактире толпа народа — или хотя бы небольшая компания, — молчание наполнилось бы болтовней и смехом, топотом и гвалтом, какие ожидаешь услышать из питейного заведения в глухой ночной час. Играй здесь музыка... но нет, конечно, музыки не было. На самом деле ничего этого не было, и молчание никуда не девалось.

В «Путеводном камне» в углу у стойки притулились двое. Они пили с молчаливой решимостью, избегая всерьез обсуждать тревожные вести. И тем самым добавляли к большой, гулкой тишине свое маленькое, угрюмое молчание. Вместе они образовывали некий сплав, своего рода контрапункт.

Третье молчание заметить было не так просто. Но, если вслушиваться в течение часа, его можно было ощутить в деревянном полу под ногами, в грубых, потрескавшихся бочках за стойкой. В массивности черного каменного очага, хранящего жар давно потухшего огня. В медленных взмахах белой тряпки, скользящей вдоль досок стойки. И в руках стоящего за стойкой

Пролог. Молчание в трех частях



человека, упорно полирующего красное дерево, которое уже и так блестело в свете ламп.

Человек был ярко-рыжий — рыжий, как огонь. Глаза у него были темные и отстраненные, и двигался он с ненавязчивой уверенностью, свойственной тем, кому многое известно.

«Путеводный камень» принадлежал ему, и третье молчание — тоже. Неудивительно, что молчание это было самым большим из трех: оно окутывало два первых, поглощало их — бездонное и безбрежное, словно конец осени, тяжелое, как окатанный рекой валун. То была терпеливая покорность срезанного цветка — молчание человека, ожидающего смерти.

ГЛАВА 1

Место для демонов

Был вечер поверженья, и в трактире «Путеводный камень» собрались привычные завсегдатаи. Пять человек — сборище небольшое; однако же нынче в «Путеводном камне» редко собиралось больше пятерых — такие уж времена настали.

Старина Коб честно играл свою роль рассказчика и советчика. Люди у стойки попивали пиво и слушали. В каморке за стойкой молодой трактирщик стоял, прячась от глаз за дверью, и улыбался, слушая знакомую историю.

— Вот как-то раз очнулся Таборлин Великий и видит, что заточили его в высокой башне. У него отобрали меч и лишили его всех волшебных предметов: ключ, монетка, свеча — все пропало. Но если бы только это! Видит он... — Коб выдержал паузу для пущего эффекта, — что все лампы на стенах горят синим пламенем!

Грэм, Джейк и Шеп кивнули. Трое друзей выросли вместе, слушая рассказы Коба и не слушая его советов.

Коб пристально посмотрел на своего самого нового и самого внимательного слушателя — ученика кузнеца.

— А знаешь ли ты, мальчик, что это означает?

Кузнецова ученика все звали «мальчиком», хотя он был на ладонь выше остальных. Маленькие городки — дело такое: ходить ему в «мальчиках» до тех пор, пока бородой не обрастет или пока нос кому-нибудь не расквасит за «мальчика».

Мальчик медленно кивнул:

— Чандрианы.



— Верно! — одобрительно протянул Коб. — Чандрианы! Синий огонь — один из их знаков. И вот, значит, он...

— Но как же они его нашли-то? — перебил мальчик. — И почему не убили сразу, пока была возможность?

— Помолчи пока, дослушаешь до конца — все поймешь, — сказал Джейк. — Пусть рассказывает!

— Да ладно тебе, Джейк, — возразил Грэм. — Мальчику просто любопытно. А ты пей, пей свое пиво!

— Да я уж все выпил! — буркнул Джейк. — Я бы еще взял, да трактирщик наш до сих пор у себя в каморке крыс свежует!

Джейк гулко постучал пустой кружкой по стойке красного дерева и крикнул:

— Эгей! Мы тут от жажды помираем!

Появился трактирщик с пятью мисками рагу и двумя караваемыми теплого хлеба. Он проворно и деловито налил Джейку, Шепу и Старине Кобу еще пива.

Посетителям временно стало не до историй — они занялись ужином. Старина Коб умял рагу с хищной деловитостью записного холостяка. Остальные еще только на миски дули, а Коб уже дожевал свой хлеб и вернулся к рассказу.

— Так вот, Таборлину надо было сбежать, однако, оглядевшись по сторонам, он увидел, что в его темнице нет ни двери, ни окон. Всюду, куда ни глянь, — сплошной гладкий твердый камень. Из такой темницы ни одному человеку не вырваться.

Но Таборлин знал имена всего, что есть на свете, и потому все на свете повиновалось его слову. И сказал он камню: «Рассыпья!» — и камень рассыпался. Стена разорвалась, точно бумага, и сквозь пролом увидел Таборлин небо и вдохнул душистый весенний воздух. Шагнул он на край, посмотрел вниз и, не раздумывая, бросился в пропасть...

Глаза у мальчика расширились:

— Не может быть!

Коб кивнул с серьезным видом:

— Таборлин рухнул вниз, но не отчаялся. Ибо он знал имя ветра, и потому ветер подчинился ему. Заговорил он с ветром, и ветер ласково подхватил его в свои объятия. Он опустил Таборлина на землю легко, точно пушинку, и поставил его на ноги нежно, точно матушка поцеловала.



Очувтившись на земле, Таборлин ощупал свой бок там, куда его пырнули, и увидел, что на том месте не осталось и царапины. Может быть, ему просто повезло, а может быть, — Коб многозначительно постучал себя пальцем по носу, — дело было в том амулете, что он носил под рубахой.

— В каком амулете? — жадно спросил мальчик с набитым ртом.

Старина Коб уселся поудобнее, радуясь случаю рассказать поподробней.

— За несколько дней до этого Таборлин встретил на дороге лудильщика. И, хотя еды у Таборлина было в обрез, он поделился со стариком своим обедом.

— И правильно сделал! — вполголоса сказал мальчику Грэм. — «За добро лудильщик платит сторицей», это всякий знает.

— Не-не! — проворчал Джейк. — Это не так говорится! «Лудильщика совет дороже ста монет».

Тут заговорил трактирщик — впервые за весь вечер:

— На самом деле, вы забыли больше половины, — сказал он, стоя в дверях за стойкой.

Лудильщик платит всякий раз,
За товары платит раз,
За добро он платит вдвое,
За обиду — даже втрое.

Люди у стойки были как будто удивлены, услышав Коута. Они много месяцев подряд собирались в «Путеводном камне» каждый вечер поверженья, но до сих пор Коуту ни разу не случилось вставить слово в разговор. Впрочем, этого следовало ожидать. Он же приехал в городок всего год назад, или около того. И до сих пор считался за чужака. Вон, ученик кузнеца живет в городке с одиннадцати лет, а все равно о нем говорили «тот мальчишка из Рэнниша», как будто Рэнниш где-то в чужих краях, а не в тридцати милях отсюда.

— Просто слышал когда-то, — пояснил Коут, чтобы нарушить воцарившееся молчание. Он явно смутился.

Старина Коб кивнул, прочистил горло и вернулся к рассказу.



— Так вот, амулет тот стоил целого ведра золотых ноблей, однако за Таборлинову доброту лудильщик продал ему этот амулет всего лишь за железный пенни, медный пенни да серебряный пенни. Амулет был черен, как зимняя ночь, и холоден как лед на ощупь, но, пока Таборлин носил его на шее, никакая нечисть ему была не страшна — демоны там, и все прочее.

— Ох, в наше время я бы за такую вещь хорошие деньги отдал! — угрюмо сказал Шеп. Нынче вечером он пил больше всех, а разговаривал меньше всех. Все знали, что вечером в возжиганье на хуторе у него стряслось что-то дурное, но все они были хорошими друзьями и понимали, что не стоит вытрясать из человека подробности. По крайней мере, не сейчас, пока все еще почти трезвые.

— Ну а кто бы не отдал? — рассудительно сказал Старина Коб, хорошенько приложившись к кружке.

— А я и не знал, что чандрианы — демоны, — сказал мальчик. — Я слышал, будто...

— Не, не демоны они! — твердо заявил Джейк. — Это были первые шестеро, что отреклись от выбора пути, предложенного Тейлу, и Тейлу проклял их и заставил вовеки скитаться...

— Ну что, Джейкоб Уокер, дальше сам рассказывать будешь? — резко осведомился Коб. — Коли так — пожалуйста, продолжай!

Они некоторое время сердито смотрели друг на друга. Наконец, Джейк отвернулся и пробормотал что-то, что вполне могло сойти за извинение.

Коб снова обернулся к мальчику.

— В том-то и вся тайна чандриан, — объяснил он. — Откуда они являются? Куда деваются, сделав свое кровавое дело? Кто они — люди, продавшие душу? Демоны? Духи? Никто не знает!

Коб бросил на Джейка взгляд, исполненный глубокого пренебрежения.

— Конечно, любой недоумок утверждает, будто он-то знает...

И рассказ плавно перешел в бурный спор о природе чандриан, о знаках, по которым осмотрительный человек может узнать об их присутствии, и о том, мог ли этот амулет защитить Таборлина от разбойников, бешеных собак и падения с лоша-



ди. Спор становился все жарче, но тут входная дверь с грохотом распахнулась.

Джейк оглянулся:

— А-а, Картер, ты как раз вовремя! Объясни ты этому проклятому тупице, в чем разница между демоном и собакой! Всякий же зна...

Тут Джейк осекся на полуслове и бросился к двери.

— Тело Господне, что с тобой такое?

Картер вышел на свет. Лицо у него было бледное и в крови. Он прижимал к груди старую попону. В попону было завернуто что-то странное и громоздкое, как охапка хвороста.

Его приятели вскочили с табуретов и кинулись к нему.

— Все нормально, — говорил Картер, медленно идя через зал. Он бешено косил глазом, как испуганная лошадь. — Все нормально. Все нормально...

Сверток он свалил на ближайший стол. Раздался стук, как будто в попоне были камни. Одежда Картера была крест-накрест иссечена длинными, прямыми разрезами. Серая рубаша свисала длинными лоскутами, не считая тех мест, где она прилипла к телу, пропитанная липким и красным.

Грэм попытался было усадить его на стул:

— Матерь Божия, Картер! Садись скорее! Что случилось-то? Да садись, садись!

Картер упрямо потряс головой:

— Да говорю ж вам, все нормально! Не так уж сильно меня и поранило.

— Сколько их было-то? — спросил Грэм.

— Один, — ответил Картер. — Но только это не то, что вы думаете...

— Ох ты ж Господи ты Боже ж мой! Говорил я тебе, Картер, — выпалил Старина Коб с тем гневом и страхом, какой способны испытывать только родственники да близкие друзья, — сколько месяцев тебе говорил: не ездь в одиночку! Даже в Бейдн не ездь! Опасно это!

Джейк успокаивающе положил руку старику на плечо.

— Да ты сядь, сядь! — говорил Грэм, все стараясь усадить Картера на стул. — Давай-ка рубашу снимем, раны промоем...

Картер помотал головой:



— Да все нормально! Да, меня тоже слегка поранило, но кровь-то в основном Неллина. Эта тварь на нее наскочила и убила. Не доезжая двух миль до города, за Старокаменным мостом.

Услышав новость, все приумолкли. Ученик кузнеца сочувственно положил руку на плечо Картеру:

— Вот черт! Горе-то какое! А ведь кроткая была, как ягненок. Ни разу не попыталась ни укусить, ни брыкнуть, когда ты ее ковать приводил... Лучшая лошадь во всем городке! Черт. Я...

Он осекся.

— Черт. Даже не знаю, что и сказать...

Мальчик беспомощно озирался.

Коб наконец стряхнул с себя руку Джейка.

— Говорил я тебе! — повторил он, тряся пальцем перед Картером. — Нынче на дорогах такой народ, что за пару пенни укокошат, не то что за лошадь с телегой! И что ж ты теперь делать-то станешь? Сам в телегу впряжешься?

Повисло неловкое молчание. Джейк с Кобом свирепо уставились друг на друга, а прочие, казалось, не находили слов, не зная, чем утешить друга.

В тишине бесшумно вошел трактирщик с охапкой всякой всячины. Он ловко обогнул Шепу и принялся раскладывать и расставлять на столе все принесенное: миску горячей воды, ножницы, чистые тряпки, несколько стеклянных пузырьков, иголку и жилы.

— А вот кабы он меня слушался, такого бы не случилось! — бормотал Старина Коб. Джейк пытался его утихомирить, но Коб только отмахивался. — А я что, я ж правду говорю! Нелли, конечно, ужас как жалко, но пусть хоть теперь послушает, а то ведь пропадет в конце концов! С такими людьми во второй раз не свезет!

Картер стиснул губы в ниточку, протянул руку и дернул за край окровавленной попоны. Содержимое свертка перевернулось, цепляясь за ткань. Картер дернул сильнее. Раздался стук, как будто на стол вывернули мешок речных гольшей.

Это был паук, размером с тележное колесо и черный, как грифель.

Ученик кузнеца отскочил, налетел на стол, опрокинул его и сам едва не упал. У Коба отвисла челюсть. Грэм, Шеп и Джейк